

Мягкий утренний свет пробивался сквозь окно, падая на обеденный стол, когда Фудзаки Тсукинао отправлял в рот последнюю ложку мисо-супа.

Его бабушка сидела напротив, то и дело покачивая в руке веер-пуховку. Плетеный бамбуковый веер рассекал воздух, разнося вокруг легкий, едва уловимый аромат.

— Собираешься куда-то?

Старуха подняла на него глаза и мягко улыбнулась, переводя взгляд на рюкзак, висевший на спинке стула.

Фудзаки Тсукинао коротко угукнул в ответ и собрал посуду на поднос. В его голосе еще звучала чистая, не до конца окрепшая звонкость, свойственная юности. Бабушка больше ничего не сказала и с ласковой улыбкой наблюдала, как он хлопчет. Хотя они были знакомы всего несколько дней, она уже успела неплохо изучить характер этого мальчика.

Если не позволять ему ничего делать, ему самому будет не по себе.

Убрав посуду и палочки, Фэн Цзяньюэмин уже собирался уходить.

— Маленький Линь.

Он обернулся. Бабушка, обмахиваясь веером, подошла к нему и сунула в руку несколько купюр.

— Не...

Он еще не успел произнести слово отказа, как она его перебила:

— Мало, что ли? — с улыбкой произнесла бабушка и уже собиралась добавить еще денег, но Фэн Цзяньюэмин спрятал руку за спину. Тогда бабушка сама засунула купюры ему в нагрудный карман.

Фэн Цзяньюэмин опешил.

Заметив это, бабушка мысленно хихикнула и с притворной досадой произнесла:

— Ой? Все равно мало?..

Фэн Цзяньюэмин поспешно ретировался.

Деревянная дверь с со скрипом закрылась, и Фэн Цзяньюэмин еще слышал доносившийся из дома тихий смех бабушки.

От этого смеха его щеки слегка покраснели. Он коснулся пальцами банкнот в кармане — их уголки согрелись от тепла его тела.

Открывшиеся его взору теннисные корты заставили его невольно нахмуриться, но он все же шагнул вперед.

В парке зеленели раскидистые деревья, и то и дело раздавался звук ударов мяча о ракетку. Фу

Кадзунаки направился вглубь парка, намереваясь найти тихий уголок, чтобы потренироваться в вокале.

Чем дальше он заходил, тем гуще становились деревья, а солнечный свет рассыпался на мелкие пятна света. Как только он решил, что нашёл подходящее место, до него донеслись звуки ссоры.

Несколько подростков в тёмных спортивных костюмах стояли у теннисного корта, похожие на учеников средней школы, а парнишка во главе держал ракетку на плече.

Окружённые ими двое мальчишек были на полголовы ниже Фу Кадзунаки, судя по всему, ученики младших классов; за спинами у них висели явно великоватые чехлы для ракеток, а пальцы судорожно вцепились в лямки.

— Мы же сказали, эта площадка занята, — парень из средней школы ткнул ручкой ракетки в лоб одного из малышей. — Ещё молоко на губах не обсохло, а уже смеете отнимать поле? Если жить надоело, живо убирайтесь отсюда.

Мальчик покраснел, а его голос зазвучал тонко, как комариный писк: — М-мы пришли первыми...

— Вы пришли первыми? — другой старшеклассник усмехнулся и протянул руку, чтобы сорвать с него сумку. — Мне плевать, кто там пришел первым, теперь это место наше, человеческого языка не понимаешь?

Лямку рюкзака перекосило, и мальчик, споткнувшись, чуть не упал.

Фу Кадзунаки остановился, бессознательно сжав пальцы на лямках своего рюкзака.

Ему не хотелось лезть не в своё дело, а тем более в чужие дела, связанные с теннисом — в конце концов, совсем скоро он отсюда уедет, и ввязываться в неприятности незнакомцев было ни к чему.

В этот момент раздался возглас боли.

Фу Кадзунаки резко обернулся и увидел, что один из мальчишек сидит на земле, обхватив колени руками.

Глаза ребёнка были полны слёз, но он из последних сил сдерживался, чтобы не заплакать. Брови Фу Кадзунаки нахмурились ещё сильнее, а в глубине души чей-то голос настойчиво требовал хоть что-то предпринять.

Главарь среднешкльников достал ещё один мяч, собираясь запустить им во второго мальчика.

Он глубоко вздохнул и зашагал в сторону этой компании. — Хватит.

Его голос прозвучал чисто и звонко, так что на мгновение, казалось, даже притихло назойливое цикадиновое пение.

Подростки обернулись, окинув его взглядом с ног до головы, а заводила к тому же презрительно приподнял бровь: — Ты ещё кто такой? Не суй нос не в своё дело.

— Эта площадка, — Фу Кадзунаки наклонился и подобрал теннисный мяч, — кажется, не ваша.

Главарь смерил Фу Кадзунаки презрительным взглядом: заметив, что за спиной у того вовсе не теннисный чехол, а сам он выглядит худощавым и совершенно неспортивным, парень вмиг преисполнился еще большим пренебрежением. — Тебя не касается.

Фу Кадзунаки пропустил его слова мимо ушей и просто мягко бросил теннисный мяч младшему школьнику.

Мячик описал дугу в воздухе, и когда упал ребёнку на грудь, тот заметно вздрогнул, но крепко прижал его к себе.

— С-спасибо.

<http://bllate.org/book/22380/2347814>